

Иеромонах Андрей (Василюк)

**История Минской духовной семинарии
периода первого возрождения
в послевоенные годы (1947–1964 гг.)
в документах архива МинДС**

В последнее время в церковной научной среде все чаще поднимается вопрос о необходимости введения в научный оборот документов церковных архивов, что может сослужить добрую службу Церкви во всем многообразии задач, стоящих сегодня перед ней. Немаловажными в этом отношении являются архивы духовных школ, содержащие информацию о возрождении и становлении духовных семинарий и академий, о первых слушателях, преподавателях, перспективах развития духовных заведений. Но, как отмечает современный историк А. Б. Онищенко, к большому сожалению, церковные архивы сегодня практически закрыты для исследователей, «как таковых архивов духовных школ нет..., чаще всего имеется некоторое помещение, где в хаотическом порядке сложены личные дела студентов и преподавателей»¹.

В 2010 г. в стенах Минской духовной семинарии были завершены труды по научно-технической обработке сохранившихся документов, относящихся к истории школы. Таким образом, был сформирован отдельный архивный фронт, посвященный деятельности семинарии в Жировичах в послевоенные годы: «Богословско-пастырские курсы

---

¹ *Онищенко А. Б.* Церковные архивы – важный источник изучения жизнедеятельности Русской Православной Церкви в советский период истории России // Дата доступа: 15.05.2013. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1902911.html>

(1945–1947 гг.) и Минская духовная семинария периода первого возрождения (1947–1964 гг.)». Фонд включает 960 дел. Его документы содержат информацию об учебной и хозяйственной деятельности семинарии, личном составе преподавателей и воспитанников.

Написанные ранее исследования по истории послевоенной Минской семинарии² основывались, главным образом, на документах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ) (Фонд 951 «Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР и БССР»), Государственного архива Гродненской области (ГАГО) (Фонд Р-478 «Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР по Гродненской области») с широким привлечением воспоминаний современников, обучавшихся в духовной школе. Сохранившиеся документы самой семинарии в полном объеме в научный оборот не вводились, поскольку долгое время доступ к ним был затруднен³. Анализ этих документов позволил уточнить, расширить и дополнить сведения о семинарии, отраженные в существующих исследованиях.

Открытие духовной школы в Жировичах было связано с заметным потеплением отношений светских властей к Церкви в послевоенное

² Наиболее полные из них: *Велисейчик Александр, священник*. История Минской духовной семинарии с 1945 г. по настоящее время. Дипломная работа. Жировичи, 1996; *Суханович Николай, диакон*. Минская духовная семинария: история и современность (1793–2003 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Жировичи, 2004.

³ Отдельные документы еще неопisanного архива использовались *протоиереем Виталием Антонином* при написании воспоминаний о послевоенной семинарии, где он учился (см. *Антоник В. К.* Минская духовная семинария в годы ее первого возрождения // Труды Минской духовной академии. Жировичи, 2002. № 1. С. 25–44). Дипломная работа выпускника Минской духовной семинарии *Д. Дудкина* (*Дудкин Д.* Опыт описания архива Минской духовной семинарии периода первого возрождения в послевоенные годы (1947–1964). Дипломная работа. Жировичи, 2010), написанная под научным руководством автора этой статьи, посвящена систематизации и описанию сохранившегося архива Минской духовной семинарии периода первого возрождения в послевоенные годы (1947–1964 гг.) и содержит первую попытку краткого и обзорного изложения истории послевоенной семинарии с привлечением ее архивных документов. В диссертации *В. П. Вакулича* (*Вакулич В. П.* Синодик начальствовавших, учивших и служивших в Минской духовной семинарии от ее основания до 1964 г. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Жировичи, 2011) представлены краткие сведения о преподавателях послевоенной семинарии, в том числе и на основании документов личных дел Архива Минской духовной семинарии (АМинДС).

время. Причинами такой перемены в церковно-государственных отношениях называют как патриотическую позицию РПЦ в годы войны, так и стратегические расчеты сталинского руководства, надеявшегося использовать потенциал Церкви в достижении глобальных политических замыслов⁴. Определяющей курс нового отношения властей к Церкви стала знаменитая встреча И. Сталина с представителями Русской Православной Церкви 4 сентября 1943 г. Именно после этой знаменательной встречи и началось возрождение духовного образования РПЦ в форме открытия в ряде епархиальных центров Богословско-пастырских курсов.

Разрешение Московской Патриархии на организацию таких курсов на территории Белоруссии было выдано Постановлением СНК СССР от 23 марта 1945 г.⁵ 25 ноября 1945 г. при Свято-Успенском Жировичском монастыре были открыты епархиальные Богословско-пастырские курсы с двухгодичным сроком обучения⁶. Непосредственной организацией их работы в Жировичах по благословению архиепископа Василия (Ратмирова), возглавлявшего Белорусские епархии с 1944 г., занимался священник Виталий Боровой. Первоначально курсы были рассчитаны на 25–40 человек. Первый набор в открывшуюся духовную школу состоял всего из 12 человек пожилого возраста, которые были зачислены без вступительных испытаний после собеседования с архиереем. Ректором курсов был назначен наместник монастыря архимандрит Митрофан (Гутовский)⁷. Препо-

⁴ См. подробнее: *Бубнов П. В.* Религиозная политика советского правительства в 1943–1948 гг. как исторический контекст первого возрождения Минской духовной семинарии // Студенческий альманах. Жировичи, 2006. Вып. 4. Ч. 1. С. 10–16.

⁵ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 951. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

⁶ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

⁷ В документах ГАГО (Фонд 478. Оп. 1. Д. 55а. С. 4) встречаются сведения о том, что руководство курсами было поручено игумену Леонтию (Бондарю), вошедшему в преподавательскую корпорацию в 1946 г. (то же – в статье архиепископа Стефана (Корзуна): *Стефан (Корзун), архиепископ.* История Минской духовной семинарии // Труды Минской духовной академии. Жировичи, 2002. № 1. С. 15). Поскольку архимандрит Митрофан, совмещавший пост ректора с настоятельством в монастыре, много времени уделял обустройству жизни в обители, основную нагрузку по управлению курсами нес игумен Леонтий. Поэтому в архивных документах мы и встречаем информацию, что с 1946 г. по 1947 г. он был ректором курсов (см.: *Велисейчик Александр, священник.* Указ. соч. С. 11–12).

давательская корпорация сначала состояла из трех человек: ректора, инспектора – священника Виталия Борового и преподавателя пения П. Нэньчука. Для размещения семинарии власти предлагали бывшее здание духовной семинарии в Минске, Мирский замок и трехэтажный корпус на территории Жировичского монастыря. Но архиепископ Василий (Ратмиров) от этих достаточно громоздких зданий отказался, мотивировав это тем, что епархия не имела средств для их ремонта, к тому же, согласно его планам, духовная школа должна была быть небольшой и краткосрочной. В связи с этим школу разместили в двухэтажном монастырском корпусе, примыкающем к Успенскому собору⁸.

Трудности послевоенного времени накладывали отпечаток на деятельность курсов: материальные условия жизни и быта воспитанников и преподавателей были чрезвычайно тяжелыми, испытывался недостаток в питании, одежде, жилье.⁹ К тому же архиепископ Василий не планировал дальнейшее развитие школы, в связи с чем не считал необходимым уделять ее нуждам серьезное внимание.

Между тем, с течением времени стало очевидным, что созданные в послевоенные годы епархиальные курсы не имели достаточного потенциала для подготовки необходимого для Церкви числа священнослужителей, на что обратила внимание высшая церковная власть. Патриарх Алексей I обратился в Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР с ходатайством о преобразовании епархиальных курсов в Саратове, Ленинграде, Киеве, Львове, Одессе, Луцке, Ставрополе, Минске в духовные семинарии, на что получил положительный ответ. 23 ноября 1946 г. Совет дал согласие на открытие семинарии в Жировичском монастыре¹⁰.

С приходом на Минскую кафедру в январе 1947 г. архиепископа Питирима (Свиридова), сменившего архиепископа Василия, стало возможным на должном уровне это решение воплотить в жизнь: во многом именно благодаря деятельной инициативе владыки Питирима Богословско-пастырские курсы были преобразованы

⁸ *Велисейчик Александр, священник. Указ. соч. С. 10.*

⁹ Там же. С. 11–12.

¹⁰ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

в четырехгодичную семинарию, ставшую преемницей закрытой в Минске в 1918 г. духовной школы. Владыка уделял огромное внимание возрожденной семинарии, ее становление и развитие происходило под его неустанным отеческим попечением, сведения о чем неоднократно встречаются в сохранившихся документах¹¹. Официальной датой возобновления деятельности Минской духовной семинарии принято считать 18 сентября 1947 г.¹²

В церковно-административном плане возрожденная семинария находилась в ведении Учебного комитета при Священном Синоде Русской Православной Церкви.¹³ В значительной степени течение жизни в духовной школе определялось также решениями Хозяйственного управления при Священном Синоде.

Непосредственное руководство семинарией осуществлял ректор, который подчинялся Управляющему Минской епархией. Ректор семинарии в то же время являлся и заместителем настоятеля монастыря. В течение 17-летнего периода деятельности семинарии пост ректора занимали: архимандрит Митрофан (Гутовский) – с 1947 по 1953 гг., протоиерей Иоанн Сокаль – с 1953 по 1956 гг. и архимандрит Антоний (Мельников) – с 1956 по 1963 гг. После назначения архимандрита Антония в сентябре 1963 г. на должность ректора Одесской семинарии и вплоть до ликвидации Минской духовной семинарии в 1964 г. обязанности ректора исполнял несший послушание инспектора Алексей Яковлевич Яблонский.

Администрация семинарии первоначально состояла из ректора, инспектора, духовника, секретаря, двух помощников инспектора, бухгалтера и завхоза¹⁴. В последующие годы ее штатный состав существенно не изменялся. В сентябре 1947 г. преподавательский

¹¹ См. подробнее: АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 3; Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 6; *Бычковский Петр, священник*. В Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 8. С. 58. См. также воспоминания о владыке Питириме ректора МинДС архимандрита Антония (Мельникова): *Кривонос Феодор, священник*. Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской духовной семинарии. Минск, 2008. С. 239–241.

¹² АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 5. В ЖМП указана дата – 16 сентября 1947 г. (*Рей Иоанн, священник*. Об открытии занятий в Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 12. С. 52).

¹³ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 40.

¹⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

состав насчитывал семь человек: ректора архимандрита Митрофана, священника Иоанна Рея, А. П. Надеждина, Ф. А. Макарова, священника Виталия Борового, священника Лавра Кляревского, Д. П. Огицкого¹⁵. Однако с ростом школы увеличивалось и число преподавателей. К середине 1950-ых их количество доходило до 16.

В архиве семинарии сохранились личные дела 33 человек, занимавших административные должности и трудившихся в качестве преподавателей¹⁶. Всего же за годы первого возрождения семинарии их было около 38¹⁷. Помимо сохранившихся архивных документов, краткие сведения о них можно найти в опубликованных воспоминаниях воспитанников послевоенной семинарии – профессоров протоиерея Виталия Антоника и К. Е. Скурата. Обзорное описание преподавательской корпорации на основании архивных данных содержится также в научных и академических работах, посвященных истории послевоенной семинарии¹⁸.

Первоначально преподавателями были, в большинстве, выпускники Виленской духовной семинарии и Богословского факультета Варшавского университета. С начала 1950-х гг. труды по восстановлению РПЦ духовного образования начали приносить свои плоды: преподавательская корпорация Минской духовной семинарии стала пополняться выпускниками возрожденных в послевоенное время Московской и Ленинградской духовных академий. В 1953 г. в ее состав вошел выпускник ЛДА Н. Ф. Мисюк, занимавший долгое время должность Секретаря правления семинарии, в 1958 г. –

¹⁵ АМинДС. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 93.

¹⁶ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 34, 93.

¹⁷ В архиве не сохранились личные дела иеромонаха Афанасия (Кудюка), иеромонаха Максима (Крохи), свящ. Ф. И. Валиковского, Е. В. Волоотовского, свящ. Л. В. Философова. Кроме личных дел, сведения о преподавательской корпорации можно найти в годовых отчетах семинарии, Протоколах заседания Совета (Ф. 1. Оп. 1. Д. 4–18, 21–41).

¹⁸ Воспоминания о преподавателях семинарии см.: *Антоник В. К.* Указ. соч. С. 33–43; *Скурат К. Е.* Воспоминания. Труды по патрологии (I–V в.). Троицкий Собор г. Яхрома, 2006. С. 28–32. В работе свящ. А. Велисейчика (с. 14–23) представлены статистические сведения о 35 преподавателях на основании документов ГАГО (Государственного архива Гродненской области) и воспоминаний современников, в диссертации диакона Н. Сухановича эти сведения практически дублируются (с. 96–99). В диссертации Вакулича В. П. представлены сведения о 34 преподавателях, главным образом, на основании документов личных дел АМинДС.

выпускник ЛДС иеромонах Максим (Кроха), будущий архиепископ Могилевский и Мстиславский¹⁹.

Многие из преподавателей совмещали учебную деятельность с административной нагрузкой, классным руководством. Около половины наставников проработали в семинарии сравнительно непродолжительное время – в среднем до трех лет. Текучесть кадров, конечно, препятствовала работе в полную силу, но, тем не менее, это был достаточно сильный в профессиональном плане коллектив, обладавший мощным потенциалом.

Работу семинарии обеспечивал штат обслуживающего персонала. В начале 1947 г. он насчитывал 12 человек: шофер, два повара, посудомойка, три хлебопека, прачка, три уборщицы и банщик²⁰. С ростом и становлением школы увеличивался и штат обслуживающего персонала. К 1959 г. он состоял уже из 45 человек, которые обеспечивали работу канцелярии, бухгалтерии, медпункта, столовой, бани, прачечной, гаража, хозяйственной части (складов, электрохозяйства) и др.²¹ В архиве семинарии сохранились личные дела 84 сотрудников, работавших в семинарии, всего же за годы первого возрождения семинарии их было более 100²². Обслуживающий

---

¹⁹ В семинарии начинали свое служение Церкви будущие церковные иерархи: с 1956 по 1957 гг. преподавательское послушание нес иеромонах Иоанн (Снычев), занимавший также должность заведующего библиотекой, будущий митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский; с 1956 по 1958 гг. – иеромонах Афанасий (Кудюк), будущий архиепископ Пермский и Саликамский. Ректор семинарии архимандрит Митрофан (Гутовский), в 1953 г. рукоположенный во епископа Бобруйского, викария Минской епархии, впоследствии стал епископом Куйбышевским и Сызранским. Инспектор семинарии архимандрит Леонтий (Бондарь) в 1956 г. был хиротонисан во епископа Бобруйского, викария Минской епархии, окончил свой жизненный путь он будучи митрополитом Оренбургским и Бузулукским. Архимандрит Антоний Мельников, ректор семинарии с 1956 г., стал митрополитом Ленинградским и Новгородским. Иеродиакон Пимен (Хмелевский), окончивший Минскую семинарию в 1949 г. и занимавшийся хозяйственными делами школы, стал архиепископом Саратовским и Вольским.

²⁰ АМинДС. Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 94.

²¹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 3. Д. 110. Л. 6.

²² Сведения о рабочем и обслуживающем персонале семинарии в АМинДС содержатся в их личных делах (см. Ф. 1. Оп. 2. Д. 35–118), в трудовых договорах (см. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1–2). В архиве сохранились не все личные дела сотрудников, в связи с чем сведения о личном составе рабочего и обслуживающего персонала можно найти в ведомостях на выплату заработной платы (см. Ф. 1. Оп. 3).

персонал был стабильнее, чем преподавательский, здесь текучесть кадров была меньшей: более половины из них проработали от 4 до 10 и более лет.

В своей деятельности духовная школа руководствовалась Уставом Православных духовных семинарий Московской Патриархии²³, а также «Положением о духовных семинариях», принятым к исполнению в сентябре 1952 г.²⁴ К началу 1950-х гг. духовными школами РПЦ был накоплен достаточный опыт учебной деятельности. В связи с этим, летом 1953 г. под руководством Учебного комитета в Троице-Сергиевой лавре проходило совещание ректоров духовных учебных заведений, целью которого являлось скоординировать деятельность всех духовных школ, унифицировать основные принципы их работы. От Минской семинарии на совещании присутствовал инспектор игумен Леонтий (Бондарь)²⁵. Тогда совещание инициировало разработку ряда документов и циркулярных указаний Учебного комитета, которые были приняты к руководству в семинариях: Устав Православных духовных семинарий в новой редакции, принципы организации учебного процесса и пр.²⁶

В соответствии с этими документами, решение ряда вопросов в семинарии осуществлялось коллегиальными органами управления: Педагогическим Советом (с 1955/1956 уч. г. в документах упоминается как Педагогическое Собрание) и Распорядительным Собранием.

В компетенцию Педагогического Совета входило решение вопросов, связанных, главным образом, с учебной деятельностью: утверждение расписаний занятий, экзаменов, тем студенческих сочинений, рассмотрение успеваемости воспитанников. Совет принимал решения о приеме, отчислении, переводе воспитанников на очередные курсы, утверждал характеристики выпускников, позже – утверждал годовые отчеты и др.²⁷ Назначения, перемеще-

²³ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 65; Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 10 об.

²⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 10 об.–11.

²⁵ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 30. Л. 5–7.

²⁶ См. подробнее: АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31.

²⁷ *Велисейчик Александр, священник. Указ. соч. С. 31.*

ния и увольнения преподавателей производились постановлениями Учебного Комитета при Священном Синоде, которые утверждались лично Патриархом. На заседаниях Педагогического Совета эти постановления лишь оглашались и принимались к исполнению²⁸.

В архиве семинарии сохранились Протоколы заседаний Педагогического Совета за 16 учебных лет (с 1947/1948 по 1962/1963 уч. гг.). Протоколы отправлялись Управляющему Минской епархией для утверждения, копии протоколов направлялись также в Учебный комитет и уполномоченному по делам Русской Православной Церкви по Гродненской области (по БССР)²⁹. На основании этих достаточно сухих документов советские аналитики, по видимому, пытались проследить динамику жизни школы. В течение учебного года, как правило, Педагогический Совет заседал 15–20, а иногда и до 30 раз, то есть почти еженедельно³⁰.

В финансовом плане семинария существовала, главным образом, за счет средств Московской Патриархии, которые поступали через Хозяйственное управление при Священном Синоде в соответствии с разработанной и утвержденной сметой; поступлений из Минского епархиального управления, а также за счет пожертвований и поддержки монастыря. Семинарией выплачивалась заработная плата администрации, преподавателям, рабочему и обслуживающему персоналу. Кроме того средства использовались на выдачу стипендий и денежных поощрений учащимся, питание, библиотечные, медицинские, хозяйственные и другие нужды³¹.

Хозяйственной деятельностью семинарии руководило Распорядительное Собрание, которое принимало решения по расходованию финансовых средств, составляло сметы расходов и др.³² Фонд архива семинарии содержит сохранившиеся протоколы заседаний Распорядительного Собрания за 1952–1962 гг. Копии этих документов рассылались Управляющему Минской епархией,

²⁸ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 31 об.–32. Подробнее о принципах назначений на административные должности см.: Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 30 об.–31.

²⁹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 19–20, 57.

³⁰ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21–41.

³¹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 2; см. также годовые финансовые отчеты и сметы прихода и расхода (Ф. 1. Оп. 3).

³² АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 14–14 об.

в Учебный комитет и Хозяйственное управление при Священном Синоде³³. Распорядительное Собрание заседало нерегулярно, по мере необходимости решения хозяйственных вопросов. В его состав входили ректор, инспектор, секретарь правления, представитель от педагогической корпорации, эконом и бухгалтер семинарии³⁴. Административный аппарат семинарии был призван обеспечить эффективную деятельность школы, целью которой являлась подготовка образованных и преданных Церкви священнослужителей, способных ориентироваться в непростых реалиях советского времени.

Количество учащихся семинарии, как и число абитуриентов, зависело не только от потребностей Церкви и желания поступающих, их численность во многом определялась церковной политикой государственных властей, продолжавших активно использовать различные рычаги влияния на Церковь. Самым многочисленным был первый набор воспитанников возрожденной школы. В первый год, по воспоминаниям профессора К. Е. Скурата, сдавать экзамены приехало около двухсот человек, из которых сначала планировалось принять не более сорока. Но вступительные экзамены прошли настолько успешно, что ректор архимандрит Митрофан (Гутовский) смог добиться разрешения у властей на значительное увеличение приема³⁵. Так, в 1947 г. возрожденная семинария «приняла в свои стены 111 воспитанников: 68 в параллельные первые классы, 29 – во второй и 14 – в третий»³⁶. В числе принятых были 20 воспитанников только что закрытой Виленской (Литовской) духовной семинарии³⁷. Последующие наборы были значительно меньше – около 20 человек, но с ростом и становлением школы увеличилось и число приема – в середине 1950-х гг. в первый класс зачислялось до 40 человек.

В первые послевоенные годы потребность в образованных священнослужителях для Церкви была особенно острой: после

³³ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 158. Л. 1 (ср.: АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152–157).

³⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 23–24.

³⁵ Скурат К. Е. Указ. соч. С. 20–21.

³⁶ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Ф. 1. Оп. 1. Д. 89. Л. 4 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 90. Л. 4 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 91. Л. 4 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 4 об. В ЖМП указаны 110 воспитанников (Рей И., свящ. Указ. соч. С. 52).

³⁷ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.

долгого времени атеистического режима на фоне наметившегося благоволения со стороны государства к Церкви, наконец, открылись перспективы миссионерской деятельности. Осуществляя свою задачу по скорейшей подготовке церковных кадров, необходимых для этого, помимо обучения семинаристов с 27 июня по 27 июля 1948 г. при возрожденной семинарии были организованы учебные курсы для не имеющих достаточной богословской квалификации священнослужителей (пастырско-богословские) и для нуждающихся в усовершенствовании своих знаний псаломщиков (псаломщицко-певческие)³⁸. Такое решение было принято на заседании организационной группы по созданию Миссионерского Совета Минской епархии 29 марта 1948 г. под председательством архиепископа Минского и Белорусского Питирима. В задачу курсов входило повышение уровня богословских знаний духовенства и церковных работников, а также привлечение их к активной миссионерской деятельности. Преподавателями семинарии были разработаны соответствующие программы. За месяц работы пастырско-богословские курсы окончили 42 священника, 45 человек завершили обучение на псаломщицких курсах³⁹.

В целом в этот период практика организации подобных месячных курсов для церковных работников применялась достаточно часто: в 1946 и 1947 г. такие курсы действовали в Гродно, в 1948 г. – в Пинске и т.д.⁴⁰ Курсы давали свои плоды, их деятельность была вполне успешной, но основная нагрузка по подготовке и воспитанию будущих священнослужителей ложилась на духовные школы.

Вступительные испытания в семинарию, которые проходили в августе – начале сентября, включали экзамены по церковнославянскому языку, церковному пению, Закону Божию и русскому языку (состоял как из теоретической части – устного экзамена, так и практической – написания диктанта и изложения)⁴¹.

³⁸ Более подробно о работе курсов см.: Д. О. Из Минской епархии. Пастырско-псаломщицкие курсы // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 9. С. 69.

³⁹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 5; Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 30 об.–34; Ф. 1. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–4.

⁴⁰ См.: Журнал Московской Патриархии. 1946. № 10. С. 46; 1947. № 11. С. 66; 1948. № 7. С. 70.

⁴¹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.

О наборе воспитанников в семинарию объявлялось в приходских храмах, настоятелям которых ежегодно через благочиния рассылались правила приема (в среднем тиражировалось 720–750 экземпляров правил приема в год)⁴², а также перечень действующих семинарий и общие правила приема печатались в Журнале Московской Патриархии⁴³.

При поступлении, как правило, был небольшой конкурс, который, однако, иногда достигал более 1,5 человек на место: в 1957 г. из 67 абитуриентов, участвовавших в экзаменах, были приняты лишь 40⁴⁴. Лучшие из абитуриентов, не прошедших по конкурсу, часто оставались в статусе кандидатов на зачисление, они могли быть приняты в число воспитанников в случае появления вакантного ученического места в первом классе.

Большинство из поступающих в семинарию имели возраст 18–19 лет, однако были и значительно старше – до 30, а иногда и около 40 лет. В первые годы бытия семинарии процент великовозрастных учеников был значительно выше: восстающей из руин Церкви срочно требовались образованные священники. К 1950-м гг. контингент воспитанников стал практически молодежным.

Уже первый набор показал, что большая часть абитуриентов не имеет полного среднего образования. Таковы были реалии послевоенной жизни. К 18-летию, когда согласно правилам приема можно было претендовать на зачисление в состав воспитанников семинарии, большинство желающих поступать по образованию отставали на 2–3 года: они не успевали к совершеннолетию завершить десятилетнее образование и обучались в 7–8 классах, но, тем не менее, стремясь к учебе в семинарии, сразу по достижении необходимого возраста подавали документы о приеме в число воспитанников школы. Такой разницей в уровне светского образования учащихся на фоне общей богословской неподготовленности создавал свои трудности в учебном процессе, поэтому руководство школы пыталось унифицировать образовательный уровень

⁴² АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 44 об.

⁴³ См. например: Правила приема в духовные учебные заведения Московской Патриархии // Журнал Московской Патриархии. 1950. № 4. С. 70–71.

⁴⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 12.

абитуриентов. На заседании Педагогического Совета 07 июня 1948 г. было решено дополнить правила приема указанием на образовательный ценз – от поступающих требовалось наличие среднего образования (10 классов) и предлагалось только в исключительных случаях допускать абитуриентов с неполным средним образованием. Также были еще раз озвучены возрастные ограничения: поступать могли лица не моложе 18-ти лет и не старше 45⁴⁵. Однако послевоенное наследие не могло быть преодолено быстро. В последующие годы процент воспитанников с неполным образованием хотя и уменьшался, но все равно был достаточно весомым: к 1960 г. имели полное среднее образование лишь 30% учеников⁴⁶.

Поступали в Жировичи, главным образом, из Минско-Белорусской епархии⁴⁷. По социальному происхождению учащиеся в большинстве были детьми крестьян (ок. 70 %) и духовенства (ок. 20 %), из служащих поступали единицы. Общее количество воспитанников, обучающихся в семинарии, в разные годы варьировалось от 60 до 165 человек. Особенно высокой численность учащихся была с 1954 по 1959 гг., что было связано как с общим процессом восстановления церковной жизни в послевоенное время, так и со значительно улучшившимися условиями быта воспитанников семинарии: к этому времени духовная школа обеспечивала четырехразовое питание, учащимся выплачивались стипендии, а после переезда семинарии в новый учебный корпус в 1956 г. число поданных прошений о допуске к вступительным экзаменам увеличилось почти в 1,5 раза.

Достаточно большим было движение контингента воспитанников: широко практиковался прием в состав учеников в течение учебного года, многие учащиеся выбывали по разным причинам, но в большинстве случаев – в связи с призывом в ряды Советской Армии. Согласно существующему законодательству, семинаристы не освобождались от воинской повинности и в любой момент могли

⁴⁵ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 56–56 об.

⁴⁶ Сказалась невыполнимой как и в Белорусский, м. статистические сведения в годовых отчетах семинарии: АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5–18.

⁴⁷ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

быть призваны на срочную службу. Особенно участились случаи призыва с 1954 г., после ухода ректора архимандрита Митрофана (Гутовского) на Бобруйскую кафедру. Дело в том, что отец Митрофан имел личные связи с представителями Слонимского райвоенкомата, благодаря чему мог добиваться отсрочки для призывников, у нового же ректора – протоиерея Иоанна Сокала – таких возможностей не было⁴⁸. В 1954 г. из 115 воспитанников семинарии в армию было призвано сразу 42 человека, фактически треть учащихся⁴⁹.

Это, конечно, прерывало учебный процесс, но многие семинаристы, отслужив в армии, вновь возвращались на студенческую скамью. Иногда после окончания нескольких классов семинарии и службы в армии семинаристы не возвращались в Жировичи, а продолжали учебу в других семинариях. Так, например, начинал богословское образование в Минской духовной семинарии будущий митрополит Оренбургский и Саракташский Валентин (Мищук), который после службы в армии доучивался в Московской духовной семинарии. Но были и исключения: испытал соответствующую идеологическую обработку в рядах Советской Армии, бывшие воспитанники духовной школы заявляли о нежелании продолжать обучение, но таких были единицы.

Учебный год в Минской семинарии начинался, как правило, с 10 сентября. Такое запоздалое начало учебы было связано с транспортными проблемами: в конце августа – начале сентября, когда оканчивался период отпусков и начиналась учеба в светских учебных заведениях, транспортные артерии оказывались перегруженными, и добраться до Жирович было весьма затруднительно. Пользовались тогда преимущественно железнодорожным транспортом, междугородние автобусные маршруты появились позднее.

Начало учебного года сопровождалось торжественными мероприятиями⁵⁰. Учеба длилась до июня (иногда до мая) с перерывом на Рождествен-

⁴⁸ Антоник В. К. Указ. соч. С. 36.

⁴⁹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 35, 37.

⁵⁰ См. подробнее: Мисюк Н. Начало 1954/55 учебного года в Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 11. С. 70; Мисюк Н. Начало 1956/57 учебного года в Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1956. № 11. С. 44–45; Начало учебного года в Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1957. № 10. С. 8.

ские каникулы (в первой половине января) и весенние каникулы (как правило, они начинались перед Лазаревой субботой и заканчивались на Радоницу). Неучебной также была первая неделя Великого Поста. В летние месяцы воспитанники разъезжались на каникулы.

В учебное время в каждом классе ежедневно проводилось 6 уроков по 45 минут. Занятия проходили в течение шести дней недели, то есть общая недельная учебная нагрузка учащегося составляла 36 академических часов⁵¹. Учебный год делился сначала на трети, с 1949 г. – на четверти, а с 1954 г. опять вернулись к прежней практике деления учебного года на триместры, по окончании которых воспитанникам выставлялась итоговая аттестация по предметам, составлялись «Ведомости об успехах и поведении воспитанников»⁵².

Преподавание велось в соответствии с типовыми учебными программами, утвержденными Святейшим Патриархом и Священным Синодом.

По окончании 1–3 классов воспитанники сдавали экзамены, на основании которых переводились на очередной курс, при низкой успеваемости решением Совета воспитанник мог быть оставлен на повторный год обучения. Учащиеся 4 класса по окончании учебного года сдавали выпускные экзамены, на основании которых могли быть рекомендованы Советом к обучению в духовной академии. Экзаменационное время начиналось в мае и иногда длилось до середины июля. Но чаще всего выпуск совершался в мае – первой половине июня⁵³.

Выпускные мероприятия проходили в особенно торжественной обстановке, их возглавлял, как правило, управляющий Минской епархией. После богослужения совершался Акт, во время которого оглашались результаты выпускных испытаний, звучала актовая речь на богословскую тему, завершившим обучение выдавались

⁵¹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 47; Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 9; Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 49. Подробнее о практиковавшихся принципах преподавания см. текст статьи преподавателя русского языка М. Свиридова «Урок как основная форма организации учебной работы в школе» (АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 157–193).

⁵² См.: АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21–41. В фонде архива сохранились «Ведомости об успехах и поведении воспитанников» за 1947–1963 гг. (АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42–52).

⁵³ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 23–24.

памятные книги⁵⁴. Выпускники семинарии получали аттестаты о четырехлетнем семинарском образовании. Сохранившиеся отчеты содержат сведения о том, что к 1959 г. семинарию окончили 189 человек, из которых были рукоположены – 137, продолжили образование в духовных академиях – 47 выпускников⁵⁵. То есть большинство из них рукополагались и несли пастырское служение.

Помимо посещения занятий, учебный план семинарии требовал написания письменных работ, чему руководство семинарии уделяло особо пристальное внимание. Темы сочинений обсуждались и принимались на заседаниях Педагогического Совета. Их проверка сопровождалась подробным анализом, оцененные преподавателем сочинения просматривал ректор, наиболее яркие из них озвучивались перед классом. В учебном году учащиеся писали 5–7 сочинений, лучшие из которых могли быть даже представлены на получение премии. Такие работы, как правило, хранились в библиотеке семинарии⁵⁶.

Учебный план семинарии в разные годы включал изучение от 23 до 26 дисциплин. Главным образом, при разработке учебного плана семинария руководствовалась типовыми учебными планами, разработанными Учебным комитетом и утвержденными Святейшим Патриархом и Священным Синодом в 1946–1947 гг., 19 октября 1949 г., а также более поздними их редакциями⁵⁷. Учебные планы составлялись с учетом запросов и перспектив церковной жизни, но, в то же время, в них находили отражение и особенности послевоенной обстановки – многие из учащихся имели богословскую неподготовленность до поступления в

⁵⁴ Бураков Б., протоиерей. В Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1952. № 8. С. 64; Мисюк Н. В Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1956. № 8. С. 14; Афанасий (Кудюк), иеромонах. Окончание учебного года в Минской Духовной Семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1957. № 7. С. 27; Максим (Кроха), иеромонах. Одиннадцатый выпуск Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1959. № 7. С. 31; Максим (Кроха), иеромонах. Двенадцатый выпуск Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1960. № 7. С. 17.

⁵⁵ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 53.

⁵⁶ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 45.

⁵⁷ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 74. Учебные планы за 1947–1962 гг. представлены в годовых отчетах семинарии (АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4–18).

духовную школу и весьма низкий уровень общего образования. Кроме того, на состав дисциплин, изучаемых в семинарском курсе, оказывали влияние и светские власти: в 1948 г. Министерством высшего образования СССР на основании декрета Совнаркома от 23 января 1918 г. семинариям было предписано удалить из учебного плана общеобразовательные дисциплины – Основы психологии, Обзор философских учений (История философии, Философская пропедевтика)⁵⁸. В начале 1949/1950 уч. г. в Минской семинарии был введен новый учебный план, присланный из Учебного комитета, в котором изучение этих предметов уже не предусматривалось⁵⁹. В то же время, в духовных школах в обязательном порядке преподавалась Конституция СССР, во внеучебное время организовывались лекции на политические и патриотические темы.

Помимо дисциплин, обязательных для изучения, по мере необходимости для воспитанников организовывались курсы на факультативной основе. Так, в 1949/1950 уч. г. вне сетки часов в семинарии читался курс по ведению приусадебного участка. Это было мотивировано тем, что «условия материально-хозяйственной жизни подавляющего большинства сельского духовенства Белорусских епархий выдвигали вопрос элементарного знакомства будущих пастырей с рациональными правилами ведения таких отраслей сельского хозяйства как плодоводство, садоводство, пчеловодство и животноводство, которые даже на незначительных участках земли, при правильном их ведении, могут быть значительной поддержкой для духовенства». Нововведение осуществлялось с разрешения Учебного комитета, программа курса была утверждена архиепископом Минским и Белорусским⁶⁰. Однако этот эксперимент не оправдал себя, курс преподавался только один год⁶¹. Также на факультативной основе для учащихся при семинарии действовали регентский и музыкальный кружок, вне сетки часов воспитанникам читался курс «Школьной гигиены»,

⁵⁸ Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. (1917–1997 гг.). Кн. 9. М., 1997. С. 630. См.: АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 2; Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 47

⁵⁹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 4–7.

⁶⁰ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 12; Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 69 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 46.

⁶¹ *Велсейчик Александр, священник. Указ. соч. С. 28.*

преподавался минимум знаний из курса действующего Трудового права⁶².

Нормальная жизнедеятельность школы не могла наладиться без хорошей библиотеки – ее в семинарии собирали буквально по крупицам. С крайней скудностью школьной библиотеки были связаны свои трудности при организации учебного процесса в семинарии. В документах школы неоднократно упоминается о необходимости ее пополнения учебниками и литературой – как духовной, так и светской (в частности, классиками русской литературы)⁶³. В отчете за 1949/1950 уч. г. отмечается, что «библиотека семинарии слишком бедна и явно не отвечает нуждам и потребностям даже простой техники процесса обучения, в связи с чем ... в деле ее пополнения представляется необходимым вмешательство и помощь высшей центральной духовной власти»⁶⁴. В довоенное время в течение почти 30 лет в Советском Союзе не издавались книги богословской направленности, в связи с чем, действительно, комплектование библиотеки было крайне затруднительным. К 1954 г. ее фонд составлял лишь 4650 томов и по-прежнему пополнялся скудно и крайне медленно, ко времени закрытия семинарии библиотечный фонд достиг 6039 экземпляров. Собранная библиотека была небольшой, но, как отмечает профессор протоиерей Виталий Антоник, очень хорошо укомплектованной: в нее попадала только лучшая богословская и светская литература.

Во многом библиотека расширялась благодаря трудам священника Виталия Борового, который каждое лето ездил в Москву, Ленинград, Вильнюс, Ригу и скупал на рынках ценные книги из частных библиотек. Основной фонд семинарской библиотеки был собран именно им⁶⁵. Финансовую помощь в решении этой проблемы семинарии оказывало Хозяйственное управление при Священном Синоде. Летом 1957 г. заведующий библиотекой иеромонах Иоанн

⁶² АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 47; Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 44; Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 27; Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 39 об.–40.

⁶³ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

⁶⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

⁶⁵ Антоник В. К. Указ соч. С. 37; *Велисейчик Александр, священник*. Указ соч. С. 28.

(Снычев), будущий митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский, составил картотеку библиотечного фонда⁶⁶. Теперь остатки этой библиотеки можно найти в библиотечных фондах Московских духовных школ.

Помимо учебной деятельности, воспитанники семинарии ежедневно совместно совершали утренние и вечерние молитвы, по очереди в составе певческих групп утром и вечером участвовали в монастырском богослужении. Своего храма у семинарии не было, поэтому богослужебная жизнь монастыря и семинарии составляла одно целое. В теплое время года богослужения проходили в Свято-Успенском соборе, а в холодное – в примыкающем к собору теплом Никольском храме.

За утренними молитвами, как правило, воспитанниками, рукоположенными в священный сан, читалось Евангелие. Учащиеся стояли на молитвах рядами по классам, то есть каждый ученик имел строго закрепленное за ним место в храме. По окончании вечерних молитв учащиеся при пении стихир Кресту, прикладывались ко Кресту и к чудотворной иконе Божией Матери⁶⁷. На воскресных и праздничных богослужениях, за которыми молились все воспитанники, учащиеся в священном сани произносили проповеди⁶⁸.

Совершение торжественных богослужений сопровождалось прекрасным пением семинаристов. Постоянный семинарский хор был организован в 1958 г. стараниями преподавателя Петра Михайловича Кирпичанского. В монастыре кроме семинарских певческих групп и хора, созданного Кирпичанским, за богослужением пел смешанный хор из местных жителей, среди которых были целые династии церковных певчих⁶⁹. Главным праздником семинарии, как и монастыря, был праздник Жировичской иконы Божией Матери. Принятых в настоящее время годовых актов торжеств тогда в семинарии не проводилось.

⁶⁶ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 34. Л. 78 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 35.

⁶⁷ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 33.

⁶⁸ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–4.

⁶⁹ О монастырском и семинарском хорах см.: *Пронский Л.* Мои впечатления о Жировицах // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 8. С. 44; *Баторевич Серафим, протоиерей.* Посещение архиепископом Питиримом (Свиридовым) Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 2. С. 67.

Все учащиеся семинарии были разделены на 4 класса, каждая группа имела старосту и классного руководителя⁷⁰. Уклад жизни семинаристов регламентировался правилами внутреннего распорядка, за соблюдением которых наблюдали инспектор и его помощники. Расписание дня воспитанников предполагало: в 7.00 – подъем, с 7.30 до 8.00 – утренние молитвы, с 8.00 до 8.30 – завтрак, с 9.00 до 14.10 – учебные занятия с перерывом на второй завтрак, по окончании занятий – обед, с 15.00 до 17.00 – свободное время, с 17.00 до 20.30 – самостоятельная работа по подготовке домашнего задания в классных комнатах, в 20.30 – ужин, по окончании которого – вечерние молитвы и, по желанию, продолжение занятий в классных комнатах. Отход ко сну – в 23.00.

Проживали воспитанники в общежитии семинарии. Организация жизни там и повседневное руководство ею осуществлялись помощниками инспектора при непосредственном контроле со стороны самого инспектора⁷¹. В общежитии учащиеся находились только в ночное время и попадали туда к отбою. По инициативе инспектора отца Леонтия (Бондаря) во внеурочное время стали запрещать вход в спальни общежитий, что имело целью побудить учащихся по возможности больше бывать в движении на свежем воздухе: днем воспитанники были заняты уроками и находились в классных комнатах, а после занятий им рекомендовался активный отдых⁷². При необходимости воспитанники семинарии привлекались к хозяйственным работам: заготовке в лесу дров, их вывозу и рубке, заготовке торфа, полевым и огородным работам, дежурству по кухне, уборке территории и т.д.⁷³

В свободное время (с 15.00 до 17.00) правила рекомендовали учащимся «пребывать на свежем воздухе, для чего прекрасным местом служил парк семинарской территории, писать письма для поддержания связи с родными, посещать инспектора семинарии для решения вопросов учебного и личного характера, читать

⁷⁰ Более подробно об институте классных наставников в семинарии см.: АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 31–34.

⁷¹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–5; Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

⁷² *Антоник В. К.* Указ. соч. С. 38. Ср.: *Скурат К. Е.* Указ. соч. С. 31.

⁷³ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–4.

газеты, журналы, слушать радиопередачи, играть в настольные игры (шашки, шахматы, домино)», заниматься физическим трудом или спортом⁷⁴. Это время дня было единственным, когда можно было по своему усмотрению покидать территорию семинарии, все оставшееся время воспитанники проводили в ограде монастыря⁷⁵. Пользуясь возможностью, как вспоминает профессор протоиерей Виталий Антоник, семинаристы в послеобеденное время особенно любили прогуливаться по дороге от Георгиевского храма к лесу.

В воскресные и праздничные дни подъем производился позже, и после обязательного посещения храма и обеда учащимся разрешалось использовать часы свободного времени «исключительно по собственному усмотрению». В вечерние часы воскресных и праздничных дней учащимся иногда организовывали просмотр кинофильмов в читальном зале учебного корпуса либо в местном клубе⁷⁶.

Для поддержания физической формы воспитанники могли получить в семинарии лыжи, коньки и другой спортивный инвентарь. При семинарии была оборудована спортивная комната⁷⁷. Семинаристы активно пользовались этой возможностью и «в хорошую погоду весной и осенью играли в волейбол, причем в этих играх принимали участие и преподаватели. Зимой часто ходили на лыжах. Одно время сильно увлекались хоккеем на монастырском пруду»⁷⁸.

Для медицинского обслуживания воспитанников с 1949/1950 уч. г. в корпусе семинарии была отведена особая комната, куда помещали заболевших в легкой форме. В случае более тяжелых заболеваний учащиеся направлялись в соответствующие больницы и амбулатории⁷⁹. Со временем в семинарии был обустроен свой медпункт и оборудован медицинский изолятор. Первоначально попечение о заболевших осуществлялось самими учащимися, имеющими соответствующие медицинские навыки, либо к врачебной

⁷⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 27–28, 30–31.

⁷⁵ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 47–52.

⁷⁶ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 34.

⁷⁷ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 74.

⁷⁸ Антоник В. К. Указ. соч. С. 30.

⁷⁹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 51 об.–52.

работе привлекались совместители из других медицинских учреждений. С 1953 г. в семинарии появилась штатная единица врача, которую занимали в разное время А. И. Сокаль, Е. И. Филиппов, Б. П. Рыбкин. С этого времени в школе значительно улучшилось медицинское обслуживание, на учащихся были заведены медицинские карты, больные получали бесплатные лекарства, все абитуриенты проходили медицинское обследование, осуществлялся плановый периодический осмотр учащихся.

Кроме оказывания помощи заболевшим семинарский врач наблюдал за санитарно-гигиеническим состоянием общежитий, пунктов питания, участвовал в разработке рациона питания воспитанников⁸⁰.

Питались ученики семинарии централизованно в трапезной трижды в день, с 1951/1952 уч. г. было введено четырехразовое питание. Во время приемов пищи учащиеся поочередно читали «Жития святых», на трапезе в обязательном порядке присутствовали члены администрации семинарии, за каждым учеником здесь было закреплено свое место⁸¹. В целом, если в начале работы семинарии продовольственный вопрос был достаточно острым (воспитанникам приходилось пешком ходить в Слоним за хлебом для семинарской трапезной, поскольку общественного транспорта тогда еще не было, кто мог – приносил на обеды свои продукты), то к 1950-м гг. ситуация существенно изменилась. Благодаря четкому финансированию, а также трудам работников столовой и эконома, закупавшего продукты, работа столовой была организована на самом высоком уровне и недостатка в питании воспитанники не испытывали⁸². Следует отметить, что во внеурочное время вход в столовую был запрещен, но при хорошо поставленной работе столовой в этом и не было нужды.

Первоначально у учащихся была свободная форма одежды – каждый носил, что имел, позже – все семинаристы стали

⁸⁰ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 10; Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 16; Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 5, 27.

⁸¹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 5; Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 15; Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 47.

⁸² См. подробнее: *Антоник В. К.* Указ. соч. С. 30. Сведения о меню семинарской столовой содержатся в документах о финансово-хозяйственной деятельности, например АМинДС. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 9–15.

обеспечиваться форменной одеждой. С 1951/1952 уч. г. по предложению архиепископа Питирима были введены стипендии для воспитанников, размер которых зависел от уровня успеваемости⁸³.

Возрожденная семинария находилась в условиях советской действительности, что не могло не отразиться на укладе жизни ее воспитанников, которые привлекались к празднованию «Великого Октября», «Дня Сталинской конституции», «1 Мая», организовывали соответствующие мероприятия (торжественные акты, концертные выступления, оформление тематических экспозиций в читальном зале⁸⁴), собирали средства в фонд «Защиты мира»⁸⁵, участвовали в предвыборных и выборных кампаниях в местные Советы, в Верховный Совет БССР, слушали соответствующие доклады. Доклады читались, как правило, в дни государственных праздников преподавателем дисциплины «Конституция СССР» для учащихся, а также преподавательского и технико-обслуживающего персонала. Иногда докладчиков приглашали из общества по распространению научных знаний, из лекторского бюро при Комитете КП БССР⁸⁶.

В годовых отчетах семинарии, которые представлялись в том числе и в государственные органы власти, в обязательном порядке содержалась информация о воспитании учащихся в духе советского патриотизма, их участии в общественной жизни страны, чтении ими советских газет и т.п. Что касается прессы, к ее чтению воспитанники были действительно приучены: в читальном зале постоянно находились свежие районные, областные и республиканские газеты. Кроме того, каждый учащийся лично выписывал газету по интересу⁸⁷.

Тем не мене, реакция со стороны светских властей на деятельность семинарии была настроенной и не отличалась особой доброжелательностью. Это в целом соответствовало установившимся церковно-государственным отношениям, которые

⁸³ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 37.

⁸⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 54–55. См. подробнее о программах таких мероприятий: АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 213.

⁸⁵ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 36 об.

⁸⁶ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 25, 35; Ф. 1. Оп. 3. Д. 110. Л. 13.

⁸⁷ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 35.

носили противоречивый характер: представив Церкви в послевоенное время определенную свободу, государство продолжало ее жестко контролировать и стремилось сдерживать ее рост. Учащиеся семинарии находились под неустанным наблюдением спецорганов, государственные власти имели своих информаторов, в том числе и в стенах духовной школы. Учащихся периодически приглашали на встречи с представителями органов, которые проводились в Жировичском сельсовете или даже в стенах самой семинарии. Во время таких встреч воспитанники подвергались соответствующей «обработке»..., здесь же происходила и вербовка доносчиков⁸⁸.

Территориально семинария была расположена рядом с Жировичским сельскохозяйственным техникумом. В целом, между учащимися духовной и светской школ складывались ровные отношения: семинаристы посещали вечера, устраиваемые в техникуме, киносеансы в кинотеатре, расположенном в корпусе техникума, организовывали матчи по волейболу между командами обеих школ⁸⁹. Однако случались и конфликтные ситуации, носившие, как правило, эпизодический характер. Особенно острое столкновение произошло в мае 1950 г., когда на территории монастырского сада группа учащихся техникума напала на семинариста, который, защищаясь, поранил одного из них перочинным ножиком. В расследовании инцидента участвовала местная милиция, придавшая делу широкий резонанс. К разбору дела были привлечены уполномоченный по делам РПЦ при Совете Министров БССР, инспектора Совета по делам РПЦ из Москвы, а распоряжением Святейшего Патриарха Алексия была создана комиссия для ревизии Минской духовной семинарии, которая работала в духовной школе в июле 1950 г.⁹⁰

Немаловажную роль в успешной деятельности возрожденной семинарии имели внешние условия, в которых осуществлялся учебный процесс и был обустроен быт воспитанников и преподавателей. Трудности первых шагов школы во многом были связаны с внешней неустроенностью. Поначалу в семинарии не было электрического освещения и в вечернее время семинаристы

⁸⁸ См. подробнее: *Скурат К. Е.* Указ. соч. С. 32–33; *Антоник В. К.* Указ. соч. С. 34.

⁸⁹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 31.

⁹⁰ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 34–45.

пользовались самодельными «коптилками» на керосине. Только к началу 1950/1951 уч. г. в семинарии появилась электроустановка, которая обеспечивала помещения электрическим светом⁹¹.

Испытывая серьезные хозяйственные трудности в первые годы своего бытия, школа активно пользовалась помощью монастыря, но при этом по возможности сохраняла самостоятельность и вела отдельное от монастыря денежное и вещевое хозяйство⁹².

Для размещения преподавателей монастырь предоставил кирпичный жилой дом, рассчитанный на шесть однокомнатных квартир⁹³. Общежитие семинарии, состоявшее из шести комнат, расположилось в трех различных зданиях в разных концах монастырского двора, что создавало свои неудобства в организации жизни семинаристов⁹⁴. Семинарская спальня была обустроена даже в крипте Крестовоздвиженского храма – помещении, явно не приспособленном для жилья⁹⁵.

Первоначально классы семинарии располагались в монастырских зданиях. Один из классов находился в длинном коридоре, ведущем к северному боковому входу в собор, на втором этаже, примыкающем к собору, расположилась еще одна спальня семинаристов⁹⁶. Канцелярия с бухгалтерией, квартира, ректора и некоторых преподавателей находились в братском корпусе монастыря. Кухню со столовой также разместили в монастырских зданиях⁹⁷. Обслуживающий семинарию персонал жил в пристройках колокольни⁹⁸. Однако эти жилые и учебные площади были недостаточны и не обеспечивали установленных для учебных заведений норм.

В связи с острой нехваткой помещений в 1948 г. была начата постройка отдельного одноэтажного деревянного здания для

⁹¹ Скурат К. Е. Указ. соч. С. 25.

⁹² АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

⁹³ Дом находился по адресу: ул. Соборная, д. 61 (*Велисейчик Александр, священник*. Указ. соч. С. 12). В 2011 г. он был снесен ввиду начавшегося строительства новых монастырских корпусов.

⁹⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 36–37.

⁹⁵ Скурат К. Е. Указ. соч. С. 23.

⁹⁶ Там же. С. 27.

⁹⁷ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 36–37.

⁹⁸ *Велисейчик Александр, священник*. Указ. соч. С. 12.

семинарских классов. Работы производила строительная артель «Красный столяр» г. Слонома. 15 ноября 1949 г. учебный корпус был введен в эксплуатацию и с 1949/1950 уч. г. занятия велись уже в новом здании⁹⁹. В корпусе разместились четыре класса, читальная комната, библиотека, учительская и гардеробная¹⁰⁰. Постройка этого здания значительно облегчала «квартирный» вопрос, связанный с размещением преподавателей и административных работников¹⁰¹. Согласно проекту, новый корпус не являлся капитальным строением и первоначально рассчитывался на 10–15 лет¹⁰². Время подкорректировало проектные планы, построенное здание эксплуатируется и по сей день: сейчас в нем размещаются административные помещения монастыря и Новогрудской епархии.

В 1950 г. силами семинарии были построены бензохранилище, сарай, забор¹⁰³. В 1951/1952 уч. г. для нужд семинарии на территории монастыря осуществлялась постройка еще двух зданий, которые были сданы в эксплуатацию к началу 1952/1953 уч. г. В одном из них (кирпичном) разместились баня, прачечная, а также была оборудована квартира для сторожа. Во втором (деревянном) – была устроена кладовая с погребом для хранения овощей и квартира завхоза (эконома)¹⁰⁴.

Между тем условия деятельности духовной школы оставляли желать лучшего. Существующие комнаты студенческого общежития были чересчур разбросаны, не приспособлены для учебно-воспитательной работы, не вполне соответствовали стандартам и нормам общежитий в бытовом и санитарно-гигиеническом отношении, были скучены и переполнены.

В связи с этим в 1952/1953 уч. г. руководство семинарии ходатайствовало перед высокопреосвященным Пителимом, архиепископом Минским и Белорусским, о постройке на территории монастыря

---

⁹⁹ Проектно-расчетные документы по строительству корпуса, технические условия и Акт приема-сдачи от 15.11.1949 см.: АМинДС. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. Л. 982–984 об.; Ф. 1. Оп. 3. Д. 3. Л. 2–11.

¹⁰⁰ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 36.

¹⁰¹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 11–12.

¹⁰² АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 37.

¹⁰³ АМинДС. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 2.

¹⁰⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 19; Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 20.

специального корпуса семинарии¹⁰⁵. Инициатором строительства стал ректор протоиерей Иоанн Сокаль, который и составил эскизы проекта здания¹⁰⁶. При поддержке владыки Питирима было получено разрешение на строительство двухэтажного кирпичного корпуса для размещения Минской духовной семинарии, а также предусмотрено соответствующее финансирование из средств Московской Патриархии. Решение о постройке в Жировичах корпуса было утверждено Святейшим Патриархом и Хозяйственным Управлением при Священном Синоде, а также согласовано с государственными органами власти¹⁰⁷.

Для осуществления контроля за работами по возведению учебного корпуса и решения возникающих в процессе строительства проблем на заседании Педагогического Совета 22 августа 1953 г. был создан Строительный комитет, в который вошли члены Распорядительного собрания и представители преподавательской корпорации¹⁰⁸. Архив семинарии сохранил Протоколы заседаний Строительного комитета за 1953–1956 гг., копии протоколов высылались в Минское епархиальное управление, в Учебный комитет и Хозяйственное управление при Священном Синоде¹⁰⁹.

Строительные работы по возведению корпуса начались в апреле 1954 г. и велись достаточно интенсивно: в течение трех месяцев были возведены подвальный этаж, а также два верхних этажа. Сначала предполагалось возведение двухэтажного здания, но первоначальный проект был пересмотрен и в мае 1954 г. выделены дополнительные средства на возведение еще одного (третьего) этажа¹¹⁰.

Запланированное строительство проходило со своими трудностями. С августа 1954 г. стройка была законсервирована ввиду невозможности покупки кирпича: плановым отделом Гродненского облисполкома был аннулирован наряд на получение

¹⁰⁵ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 21. Документы о строительстве нового корпуса см.: Ф. 1. Оп. 1. Д. 165.

¹⁰⁶ Антоник В. К. Указ. соч. С. 33.

¹⁰⁷ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–3; Ф. 1. Оп. 1. Д. 159. Л. 3 об.

¹⁰⁸ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 6.

¹⁰⁹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 159–160.

¹¹⁰ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 159. Л. 14; Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 53.

280 тыс. шт. кирпича, необходимого для завершения кладки стен. Руководство семинарии ходатайствовало о решении проблемы перед Гродненским и Брестским облисполкомами, председателем Совета Министров БССР, перед центральными властями БССР. Наряд на получение необходимого кирпича был получен только к лету 1955 г. при содействии Уполномоченного Совета по делам РПЦ в БССР, что позволило возобновить строительные работы¹¹¹.

В конце 1956 г. строительство было завершено. Последнее заседание Строительного комитета, связанное с вводом в эксплуатацию нового корпуса, состоялось 10 декабря 1956 г.¹¹² В здании разместились: в подвальном этаже кухня, котельная, кладовые и подсобные помещения; на первом этаже – столовая (на 160 человек), четыре класса, учительская и гардероб, на втором этаже – три спальни общежития, актовый зал и квартира ректора (из трех комнат); на третьем этаже – пять спален общежития и аналогичная квартира инспектора¹¹³.

Здание было принято к эксплуатации 26 декабря 1956 г. при участии ревизора Минского епархиального управления. Освящение корпуса происходило 30 декабря в особенно торжественной обстановке. Его совершил митрополит Минский и Белорусский Питирим со своим викарием Бобруйским епископом Леонтием¹¹⁴.

Прежний учебный корпус семинарии также продолжал использоваться: там разместились канцелярия, бухгалтерия, библиотека, медицинский изолятор, кабинет и квартира врача, класс музыкальных занятий, спортивная комната¹¹⁵.

К 1957 г., кроме перечисленных зданий, семинарии принадлежали электростанция, четыре деревянных сарая, гараж. Автопарк семинарии состоял из четырех машин: двух легковых «Победа», двух грузовых «ЗИС-5». Также использовался и гужевой транспорт – у семинарии была лошадь, которую использовали для

¹¹¹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 54; Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 59.

¹¹² АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 159. Л. 35.

¹¹³ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 65–66.

¹¹⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 73. Воспоминания об освящении корпуса см.: *Шишко Б.* Торжество освящения здания Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1957. № 2. С. 16.

¹¹⁵ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 66.

подвоза из города хлеба и продуктов, для мелких хозяйственных работ. Для питания учащихся имелось и свое небольшое подсобное хозяйство, пищевые отходы из трапезной монастыря и семинарии использовали для прикорма свиней¹¹⁶.

К концу 1950-х гг. семинария обладала уже достаточной материальной базой, но, тем не менее, во многом продолжала пользоваться помощью монастыря. По распоряжению митрополита Пителима, в 1957 г. монастырю были отпущены финансовые средства для строительства рыбных прудов, предназначенных в первую очередь для питания семинаристов. Монастырское хозяйство, которое не пользовалось наемной рабочей силой и обслуживалось только силами монашествующих, во многом помогало взрослеющей школе¹¹⁷. Но, несмотря на сложные условия существования в атеистическом государстве, за сравнительно короткое время и в самой семинарии на высоком уровне было налажено хозяйство, обеспечивающее нужды духовной школы. Организацией хозяйственной жизни в семинарии занимался эконом (завхоз). С 1949 г. и до начала 1960-ых эту должность занимал ее выпускник – священник Иоанн Хоружик.

К середине 1950-х гг. заметно оживилась не только хозяйственная жизнь школы, деятельность семинарии в целом осуществлялась на образцовом уровне, она обладала заслуженным авторитетом среди других духовных школ, о чем неоднократно свидетельствовали в Москве. Уже в начале 1949 г. семинария получила письмо из Правления Московской духовной академии, в котором говорилось: «Московская духовная академия считает своим долгом... принести благодарность за прекрасную подготовку поступивших в текущем учебном году в (Московскую) академию студентов вашей семинарии, они показали очень хорошие богословские знания и христианскую настроенность. Молим Бога о поддержании в вашей семинарии этих великих христианских традиций». Осенью 1950 г. семинария в Жировичах также получила благодарность

¹¹⁶ Сведения об имуществе семинарии содержатся в оборотных ведомостях, документах по утверждению сметы прихода и расхода, описях имущества (см.: АМинДС. Ф. 1. Оп. 3; Ф. 1. Оп. 1. Д. 161–163, 166, 167).

¹¹⁷ *Велисейчик Александр, священник. Указ. соч. С. 36.*

Совета Московской духовной академии за своих воспитанников, продолживших там обучение¹¹⁸. Летом 1958 г. ректора семинарии, которым тогда был архимандрит Антоний (Мельников), посетил его близкий соратник – священник Алексей Ридигер. Будущий Предстоятель Русской Церкви позже писал об этом визите: «Семинарию я осмотрел еще до отъезда воспитанников. Всюду приложен огромный труд, который вынесли на своих плечах архимандрит Антоний и инспектор Яблонский... Спальни, столовая, классы, читальный зал – просторны и хорошо обставлены»¹¹⁹. Действительно, к этому времени школой был накоплен серьезный собственный опыт и потенциал.

Оживление жизни в Минской семинарии происходило на фоне послевоенного потепления церковно-государственных отношений в целом: в середине 1950-х был значительно увеличен прием во всех существовавших тогда восьми духовных семинариях, в 1956 г. осуществилось издание Библии на русском языке, тогда же вышел отдельным изданием Новый Завет, росло число молящихся в храмах¹²⁰. Только в Белоруссии в период с 1945 по 1953 гг. при содействии Минской семинарии было рукоположено в иерейский сан 255 человек¹²¹.

Но такому довольно благоприятному времени не суждено было продлиться долго. В конце 1950-х гг. церковно-государственные отношения вновь осложнились. Политическая программа Н. С. Хрущева декларировала необходимость «преодоления религиозных пережитков капитализма в сознании советских граждан», что вылилось в волну новых гонений на Церковь... Осенью 1958 г. ЦК КПСС принял секретное постановление «О недостатках научно-коммунистической пропаганды», а Совет министров СССР –

¹¹⁸ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 38; ср.: Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 63; Бураков Б., протоиерей. Рассадник духовного просвещения // Журнал Московской Патриархии. 1951. № 3. С. 53. См. также: Мисюк Н. В Минской духовной семинарии // Журнал Московской Патриархии. 1955. № 11. С. 17.

¹¹⁹ Пальчевский А. Первое возрождение Минской семинарии // Ступени. Студенческий журнал Минских Духовных Академии и Семинарии. 2005. № 4 (20). С. 20.

¹²⁰ Велисейчик А., священник. Указ. соч. С. 37.

¹²¹ Кривонос Ф., священник. Указ. соч. С. 130.

«О монастырях в СССР» и «О повышении налогов на доходы епархиальных предприятий и монастырей»¹²². В ходе осуществления этой программы с 1958 по 1964 гг. советскими властями было закрыто 5540 храмов из 13414, число монастырей сократилось с 56 до 16. Обеспокоенные стабильностью наборов воспитанников в духовные школы, власти стали применять меры и к закрытию семинарий¹²³.

На этот раз неприятие Церкви было выражено в виде широкой атеистической пропаганды, носившей, как правило, наукообразный характер: открывались антирелигиозные клубы, организовывались «дни атеиста», насыщенные разного рода антирелигиозными мероприятиями, организовывались соответствующие фотовыставки, Церковь дискредитировалась в средствах массовой информации, множились антирелигиозные брошюры, афишировались заявления ренегатов...

Все эти меры были направлены, главным образом, на отдаление от Церкви молодежи, но оказывались малоэффективными: количество молодых людей, желающих обучаться в семинарии, не уменьшалось. Тогда властями в борьбе с Церковью был задействован административный ресурс, что действительно оказалось губительным для духовных школ.

В начале 1960-х гг. прекратили деятельность пять из восьми духовных семинарий Русской Православной Церкви: Киевская, Саратовская и Ставропольская были закрыты властями по указанию председателя Совета по делам РПЦ В. А. Куроедова – главного исполнителя нового правительственного курса, Минская и Волынская – прекратили деятельность в результате принятых властями административных мер. Именно начало 1960-х гг. ознаменовалось и для Минской семинарии как время угасания ее деятельности.

Административные воздействия, применяемые властями, были разнообразны. Уже с конца 1950-х гг. стала с новой силой применяться практика призыва воспитанников в ряды Советской

¹²² *Антоник В. К.* Указ. соч. С. 28.

¹²³ *Лопыко И.* История Минской духовной семинарии в 1918–2005 гг. // Студенческий альманах. Выпуск 4. Часть 1. Жировичи, 2006. С. 20.

Армии, а отслуживших учащихся и преподавателей семинарии – на военные сборы. Так, в 1958/1959 уч. г. из семинарии выбыло в связи с призывом в армию 18 из 131 воспитанника. В этом году семинария сумела восстановить свой личный состав, приняв в число учащихся 11 не прошедших по конкурсу абитуриентов, пятеро воспитанников вернулись после прохождения воинской службы¹²⁴. Но в последующие годы численность учащихся резко сокращалась. Для поддержания семинарии абитуриенты, не допущенные к вступительным экзаменам по несовершеннолетию или не прошедшие по конкурсу, по благословению митрополита Питирима поступали в монастырь послушниками и при появлении свободных мест зачислялись в число учащихся даже в середине учебного года. Противодействуя этой «уловке» администрации семинарии, с 1960 г. ей было предписано допускать к вступительным экзаменам в семинарию только лиц, отбывших действительную военную службу в рядах Советской армии, запрещалось принимать в семинарию во время учебного года, подавать документы абитуриенты могли только до 1 августа¹²⁵.

Призванные в армию семинаристы не всегда возвращались в школу, поскольку с ними также проводилась соответствующая идеологическая работа. Гродненский уполномоченный рекомендовал Слонимскому военкомату призывать семинаристов не с последних курсов, а с первых, поскольку младшекурсников проще «перевоспитать». Но и при желании отслужившие семинаристы не всегда могли вернуться в школу – они испытывали прямое давление со стороны работников Слонимского военкомата: им не выдавали документы, их не приписывали, узнав, что они стремятся продолжать учебу в школе. Молодым людям приходилось проявлять незаурядную настойчивость и твердость, чтобы пробить этот заслон.

Но были и ренегаты, соблазненные открывающимися перед ними «перспективами безбожной жизни». В областной газете «Гродненская правда» за 29 сентября 1959 г. и в Кореличской

¹²⁴ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 26, 33–37.

¹²⁵ Такое предписание администрации семинарии было вынесено распоряжением Учебного комитета, принятым под давлением Председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Г. Карпова. (См.: АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 3).

районной «Вольная праца» появилась статья «В семинарию я не возвращусь», написанная воспитанником первого класса Минской семинарии, призванным в ряды Советской армии¹²⁶. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. это был не единичный случай. Ренегатом стал сын преподавателя семинарии Евгений Васильевич Волотовский, который был уволен из числа преподавателей Одесской семинарии за несоответствие и по протекции отца принят в число корпорации Минской семинарии. Евгений Васильевич информировал советские органы о внутренней жизни в семинарии, под псевдонимом «Попов» писал пасквилы на семинарию в местной прессе. После закрытия семинарии он перешел работать в Жировичский сельхозтехникум, где преподавал «Историю атеизма и религий»¹²⁷. В целях атеистической пропаганды местными властями активно привлекался к участию в лекциях, беседах, атеистических вечерах бывший семинарист, исключенный из духовной школы за пьянство¹²⁸.

Поступающие в семинарию испытывали серьезное давление от властей и по месту жительства. Узнав, что они желают учиться в семинарии, им не давали паспортов, справок из колхозов, необходимых для пребывания в школе. Такие меры были разрушительны, поскольку большинство из поступающих происходили из крестьянских семей. По свидетельству выпускника послевоенной семинарии профессора протоиерея Виталия Антоника, желающих обучаться в духовной школе «в буквальном смысле отлавливали и военкоматы, и комсомольские активисты, и милиция. Разгул такого беззакония в течение нескольких лет привел к тому, что в 1960 г. никто из желающих поступать в семинарию не смог пробиться сквозь этот заслон враждебных Церкви сил»¹²⁹.

Государственными властями широко использовались рычаги экономического давления на школу: с 1 января 1959 г. Слонимский горпищесторг прекратил продажу хлеба и других продуктов

¹²⁶ *Велисейчик Александр, священник.* Указ. соч. С. 48.

¹²⁷ *Антоник В. К.* Указ. соч. С. 34; *Кривонос Феодор, священник.* Указ. соч. С. 231–232; *Радугин Валентин, протоиерей.* О последних днях и закрытии МинДС в 1964 г. (См.: *Велисейчик Александр, священник.* Указ. соч. С. 70–74).

¹²⁸ АМинДС. Ф. 1. Оп. 2. Д. 269. Л. 30.

¹²⁹ *Антоник В. К.* Указ. соч. С. 29.

семинарии¹³⁰; постановлением Учебного комитета, принятым под давлением властей, архиереям рекомендовалось не вносить дотаций на содержание духовных школ, чем подрывалась материальная база семинарий¹³¹.

На ослабление Церкви также была направлена политика государственных властей по перемещению духовенства. После перевода митрополита Питирима (Свиридова) в апреле 1959 г. на Ленинградскую кафедру на посту Управляющего Минской епархией, в ведении которого находилась семинария, до ее закрытия в 1964 г. побывало 6 архиереев: митрополит Гурий (Егоров) – с 21.05.1959 по 19.09.1960¹³², епископ Леонтий (Бондарь) – с 19.09.1960 по 16.03.1961¹³³, митрополит Антоний (Кротевич) – с 16.03.1961 по 05.07.1961¹³⁴, архиепископ Варлаам (Борисевич) – с 05.07.1961 по 04.08.1963¹³⁵, митрополит Никодим (Ротов) – с 04.08.1963 по 09.10.1963¹³⁶, архиепископ Сергей (Петров) – с 09.10.1963 по 25.05.1965¹³⁷. Кроме частого перемещения архиереев, власти старались убрать из семинарии «неугодных» преподавателей, способных деятельно поддерживать школу. В таких условиях было практически невозможно полноценно осуществлять руководство епархией и духовной школой, организовывать их жизнь. Такая целенаправленная политика по закрытию семинарии давала свои плоды.

При преемнике владыки Питирима – митрополите Гурии – в 1960 г. под давлением властей набор уже не состоялся: из 13 человек,

¹³⁰ Пальчевский А. Указ. соч. С. 20. Такие инциденты были и ранее: в январе 1952 г. на основании распоряжения начальника Главторга семинарии была прекращена продажа печеного хлеба и продуктов (АМинДС. Ф. 1. Оп. 3. Д. 24. Л. 5).

¹³¹ Велисейчик Александр, священник. Указ. соч. С. 46.

¹³² Галкин А. К. Гурий (Егоров), митрополит // Православная энциклопедия. Т. XIII. С. 475.

¹³³ Определения Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1960. № 10. С. 4.

¹³⁴ Цытин Владислав, протоиерей, Зонтиков Н. А. Антоний (Кротевич), митрополит // Православная энциклопедия. Т. II. С. 629.

¹³⁵ Определения Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1963. № 9. С. 3.

¹³⁶ Определения Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1963. № 9. С. 3; № 11. С. 3.

¹³⁷ Определения Священного Синода // Журнал Московской Патриархии. 1963. № 11. С. 3; 1965. № 6. С. 2.

которые подавали заявления о приеме в семинарию, было принято только 7, и не один из них не прибыл к началу занятий¹³⁸. Первый курс, таким образом, сформирован не был. В следующих 1961 и 1962 гг. прием не проводился.

В начале 1962/1963 уч. г. ректор семинарии архимандрит Антоний (Мельников) так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Пополнение состава воспитанников семинарии не предвидится, а потому при наличии одного четвертого класса с количеством пяти (по списку – семи) воспитанников, согласно указаниям Учебного комитета, необходимо... упразднить должность помощника инспектора..., уволить до минимума рабочих и служащих семинарии, прекратить работу семинарской столовой и кухни, а питание личного состава перевести в столовую монастыря...»¹³⁹.

В 1963 г. состоялся последний 15-й выпуск, который составил всего 5 человек¹⁴⁰. В 1963/1964 уч. г. был вновь объявлен набор в семинарию, были и желающие поступать – около 30 человек. Наибольший оптимизм проявляли инспектор семинарии А. Я. Яблонский и В. В. Радугин, которые надеялись, что при активной позиции Церкви власти не смогут закрыть школу. Они возили в Учебный комитет документы поступающих, которые удалось собрать с величайшим трудом, обходя противодействие светских властей, но Патриархия была бессильна чем-либо помочь. Не было поддержки и в Минске: Управляющий Минской епархией архиепископ Варлаам не стал сопротивляться давлению властей и заявил, что «в настоящее время для Белорусской епархии не нужны новые кадры и поэтому не нужна семинария»¹⁴¹. Из 30 человек, пожелавших учиться в семинарии, 12 были отсеяны республиканским уполномоченным Г. В. Ковалевым, поскольку они не являлись жителями Белоруссии, оставшиеся – сами затребовали возвращения поданных документов: с каждым из них Г. В. Ковалевым была проведена соответствующая беседа. Таким образом, набор не состоялся¹⁴².

¹³⁸ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.

¹³⁹ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 47.

¹⁴⁰ АМинДС. Ф. 1. Оп. 1. Д. 41. Л. 45.

¹⁴¹ *Кривонос Феодор, священник*. Указ. соч. С. 230.

¹⁴² *Велисейчик Александр, священник*. Указ. соч. С. 51.

Таким образом, судьба семинарии была predetermined. Первый заместитель уполномоченного по делам Русской Православной Церкви Козызаев в разговоре с ректором семинарии четко обозначил позицию властей: «Семинарии не будет и никакие хлопоты и стремления, направленные для ее защиты и сохранения, не принесут плода»¹⁴³. В связи с отсутствием педагогической работы преподаватели стали покидать школу. Завершали работу семинарии инспектор А. Я. Яблонский, который фактически исполнял обязанности ректора, В. В. Радугин, поддерживавший работу библиотеки и бухгалтерии и эконома семинарии В. М. Дьяков.

Официально семинария была исключена из числа действующих учебных заведений Московской Патриархии постановлением Учебного комитета при Священном Синоде от 4 марта 1964 г.¹⁴⁴ Так спустя 17 лет после возрождения в результате планомерного давления со стороны безбожных властей семинария оказалась вновь закрыта.

За эти годы духовная школа смогла осуществить 15 выпусков и подготовить священнослужителей на последующие десятилетия стесненного положения Церкви в советском атеистическом государстве. Всего за годы деятельности послевоенной Минской духовной семинарии ее курс окончили 243 человека, 70 из них в дальнейшем получили высшее духовное образование (33 – окончили МДА, 37 – ЛДА)¹⁴⁵.

После ликвидации семинарии светские власти намеревались передать учебный корпус школы в ведение сельхозтехникума, о чем ходатайствовал директор техникума В. Кулинич¹⁴⁶. Еще в мае 1963 г. республиканский уполномоченный Г. В. Ковалев в беседе с ректором семинарии архимандритом Антонием (Мельниковым) озвучил планы властей по закрытию семинарии: «Ликвидация семинарии

¹⁴³ Кривонос Феодор, священник. Указ. соч. С. 224.

¹⁴⁴ Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Ф. Р-478. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР по Гродненской области. Оп. 1. Д. 82. Протоколы Педагогического Совета Минской духовной семинарии и сведения на учащихся. Л. 49.

¹⁴⁵ Антоник В. К. Указ. соч. С. 44.

¹⁴⁶ См. воспоминания архимандрита Антония Мельникова: Кривонос Феодор, священник. Указ. соч. С. 209–210.

повлечет передачу семинарского здания в ведение Жировичского техникума. Одновременно монастырь лишится Успенского Собора и двух храмов: Крестовоздвиженского и Явленского. В Соборе устроят помещение для демонстрации наглядных пособий по вопросам сельского хозяйства. В ведении монастыря останется только зимний придел Успенского Собора – Никольская Церковь и часть теперешней территории». Но этим намерениям не было суждено осуществиться. Ночью, накануне приезда Г. В. Ковалева, намеревавшегося передать здание семинарии, стараниями В. В. Радугина и насельников монастыря, а главным образом – монастырского эконома иеромонаха Евфимия (Байдакова), в корпус школы были переселены престарелые монахини гродненского Рождество-Богородичного монастыря, которые после закрытия их обители с 1959 г. ютились Жировичах. Переселение монахинь со всеми их пожитками было неожиданным для властей, они не посмели выкинуть старушек на улицу и это действительно помогло сохранить здание. Таким образом, корпус семинарии со всеми постройками, имуществом и инвентарем перешел в распоряжение Свято-Успенского Жировичского монастыря и был предоставлен для размещения монахинь закрывшихся гродненского, а также полоцкого женских монастырей¹⁴⁷.

После закрытия семинарии предписанием Учебного комитета ее библиотека была безвозмездно передана в Московскую духовную школу. К этому времени библиотечный фонд составлял 6039 экземпляров книг, не считая находившихся там журналов и списанной литературы. 26–27 марта 1964 г. находившаяся в библиотеке литература и корреспонденция общим объемом 9010 экземпляров была переправлена двумя контейнерами в Московскую духовную академию¹⁴⁸. Часть собранных в семинарии книг пополнила фонды библиотеки им. В. И. Ленина в г. Минске, часть книг из семинарской библиотеки взяли преподаватель Е. В. Волотовский и насельники монастыря¹⁴⁹.

¹⁴⁷ АМинДС. Ф. 1. Оп. 3. Д. 161. Л. 10. См. также: *Радугин Валентин, протоиерей. О последних днях и закрытии МинДС в 1964 г. (См.: Велисейчик Александр, священник. Указ. соч. С. 74–76).*

¹⁴⁸ АМинДС. Ф. 1. Оп. 3. Д. 161. Л. 1–2.

¹⁴⁹ *Суханович Николай, диакон. Указ. соч. С. 107.*

Архивные документы семинарии были переданы Учебному комитету Московской Патриархии и до 1996 г. хранились в Московской духовной академии. В марте–апреле 1996 г. этот архив был возвращен вновь открытой Минской духовной семинарии¹⁵⁰. Долгое время он кочевал по складам возрожденной школы и только после реконструкции учебного корпуса был перенесен в специализированное помещение, что и позволили начать работу по изучению и систематизации его документов.

---

¹⁵⁰ См. Акты приема передачи дел от 22 марта 1996 г. и от 05 апреля 1996 г. (АМинДС. Дело фонда № 1).

